

УДК 321.01 +342.3

Т.В. Борисова*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЛАМУРА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье анализируются цивилизационные основания гламура как социального явления, подчеркивается, что основные культурные матрицы техногенной цивилизации отношения к природе и активности личности сформировали понимание гламура как очередного проекта современной цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, технологическое общество, природа, культура, вещь, гламур.

Сегодня гламур настолько прочно вошел в нашу жизнь, что о нем не пишет только ленивый... Многие понимают его на уровне интуиции и не могут отличить от учтивой куртуазности или светскости. Приведем краткий перечень существующих в общественном сознании определений гламура: шик, роскошь, красота, ухоженность, блеск, эротизм, сексуальность, изящество, очарование... Этот список можно продолжать и продолжать. Обратимся к модной ныне Википедии, которую считают свободной энциклопедией.

Английское слово «glamour» возникло в средние века как вариант к «grammar» — «грамматика», «книга», заимствованного из фр.: «grammaire» (развитие значений такое: грамматика — сложная книга — книга заклинаний — колдовство, заклинания — чары, очарование; ср. также фр. «grimoire», рус. гримуар — «книга заклинаний» того же происхождения). Им в средние века обозначали разные проявления учености, в том числе оккультные практики, которые ассоциировались с грамотностью. Кстати, в Оксфордском университете до сих пор есть должность профессора of glamour (грамматики).

Первые фиксации слова «гламур» в русском языке отмечены в 1997 году, однако широко распространенным оно стало с 2005 г. Этому понятия еще нет в академических словарях, даже Word до сих пор подчеркивает красной волнистой линией это слово как ошибочное. О гламуре знают не всё, но все.

---

*© Борисова Т.В., 2012

Борисова Татьяна Вадимовна (BorisovaTVa@yandex.ru), кафедра философии Самарского государственного технического университета, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 196.

В целом складывается впечатление, что гламур «ризомной матрицей пронизывает все сферы общества, позиционируя себя как метафизическую всеобщность. Когда вся мировая эстрада перестает быть эстрадой, а превращается в фабрику звезд», производя однодневки для конкурсов красоты и подиумов — это влияние гламура. Когда холодной зимой встречаешь молодых девчонок с разноцветным пирсингом на голом животе — это влияние гламура. Когда фраза рекламного слогана: «Жизнь удалась!» — блестит на фоне иномарки и банки черной икры — это все влияние гламура.

Гламур, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, становится менеджментом всего: экономики, политики, культуры. Он проник даже в храм науки, сделав ее поверхностной и развлекательной. Так что же это за явление — гламур? Внешняя презентация культуры в себе и себя в культуре или новая контекстуальность, возникшая как ответ на вечную неудовлетворенность миром? А может быть, и не надо особо мудрить: гламур — это лишь очередная мода, которая, как и всякая мода, быстро надоедает и проходит.

Обширная литература, посвященная анализу гламура, часто рассматривает его с позиций концепта повседневности, в которой гламур выступает в аспекте поведенческой культуры как некий изящный стиль жизни для избранных. Лингвистические исследования презентатируют вербально-смысловые коннотации гламура: обаяние, блеск, очарование, богатство и др. Но лингвистические «игры» с определениями понятий гламура лишь расширяют пространство интерпретационного поля, высвечивая в нем семантические структуры. Но эти структуры методологически не приводят нас к «дому бытия» М. Хайдеггера и даже не вытягивают на уровень нарративного знания Ж.-Ф. Лиотара, которое, по его мнению, передает набор прагматических правил, конституирующих социальную связь. Прибавим к сказанному существование многочисленной публицистики бумажного и электронного формата, где гламур позиционируется в оценочно-морализаторском ключе. Справедливости ради заметим, что сквозь толщу написанного о гламуре эпистемологическим лучиком осторожно высвечивается теоретический вывод: в современном мире гламур конституирует жизнь человека. Этот вывод расширяет смысловое поле гламура, перемещает его с характеристики эстетического на уровень онтологических оснований, что, в свою очередь, позволяет прояснить онтологический потенциал гламура, который он позиционирует в многочисленных практиках собственной экспансии.

Предложенный ракурс гламура интересен тем, что за его разворачиванием угадывается многопанорамный социокультурный процесс, анализ которого позволит ответить на сложные вопросы. Пока ответы существуют лишь в форме вербальных фиксаций, отражая конкретный ряд событийных очевидностей, зафиксированных многими исследователями как явления гламура. Что является стержневой основой гламура? Какими факторами обусловлена его масштабная экспансия? Почему эта экспансия обесценивает идею информационного общества? Почему в бытие гламура присутствует только молодость и отсутствует смерть? Почему гламур столь агрессивен, нетерпим и жесток? Эти вопросы можно продолжать бесконечно.

Как известно, любое вопрошание порождается некоей неизвестностью, скрытой тайной, обнаружение которой формирует любую проблему. Для нас проблемой исследования является содержание и определение границ возможностей бытийствования гламура в социуме. Бытийствование — это поиск бытия, нахождение вечного того, что всегда отсутствует, того, чего нам недостает. А поиск бытия — это поиск тех оснований жизни, прикоснувшись к которым человек находит в себе силы для преодоления враждебности мира и возможность почувствовать себя «светом этого мира». Многообразие бытия проявляется через сущее, в рамках которого взаимодействуют природное и культурное, телесное и духовное, научное и техническое, явное и скры-

тое. Перечисленное существует в аспекте его причастности к бытию, поэтому анализ гламура как сущего возможен только в данном аспекте. Определив, таким образом, смысловое поле гламура, мы выполним две важные эпистемологические задачи. Сущее понимается как отражение мира чувственно-материальных вещей и отношений в аспекте онтического. Различие онтического и онтологического вводит М. Хайдеггер в связи с различением сущего и бытия. Онтический аспект характеризует существование конкретно-сущего, а онтологический план существования указывает на бытие сущего, т. е. на то, что дает возможность данному сущему быть таким, какое оно есть. Во-первых, включив гламур в «ситуацию сущего», мы переведем его анализ на уровень философской рефлексии (не игнорируя при этом исследовательские задачи культурологической парадигмы). Во-вторых, сможем выявить исторические истоки гламура в единстве предметно-чувственной стороны бытия со всей «жизненной сферой» человеческого самосознания, аккумулирующей все стороны социального бытия, во всем многообразии отношения человека к миру. Сущее существует не только в пространстве, но и во времени. Поэтому гламур в контексте сущего имеет свою историю. Заметим, что историческое появление гламура, начало его победоносного шествия (пока лишь в качестве художественного стиля) удивительным образом совпало с той социокультурной ситуацией, когда развитие европейской цивилизации начинает приобретать все более техногенный характер. Сегодня цивилизационный подход при анализе социального обретает новую жизнь, позволяет органически соединить классические и постклассические парадигмы исследований. Цивилизационный подход, в рамках которого упорядочивается структурированное пространство социума, позволяет обнаружить в современности целостный смысл, разорванный плюралистичностью и устремленностью к развитию мира. Смысл этот состоит в трансцендировании, выходе за пределы эмпирического бытия, если не к Богу, Космосу или другому абсолютному субъекту, например, к человеческому роду. Поэтому цивилизация, как историческая форма организации общественной жизни, проявляет себя в способах упорядочения вещной среды и в способах вещного оформления общественных отношений людей. И хотя цивилизация обнаруживает себя в характере и содержании любой деятельности человека (научной, художественной, производственной, политической, повседневной и др.), тем не менее для всех феноменов цивилизации важно их проявление в материально-структурных особенностях вещно-предметной среды. Именно поэтому разные цивилизации отличаются той предметной средой, которую они создают и в которой протекает жизнь человека.

Направленность и усиление техногенного фактора в европейской цивилизации связана с наступлением второй промышленной революции (изобретением машины и парового двигателя), которая осуществила новый качественный скачок в развитии производительных сил, что привело к рождению индустриального общества, к появлению рынка товаров, труда и капитала. Возникло капиталистическое общество. Именно в его рамках четко проявилась структура «культурно-генетического кода», в котором «культурные матрицы», нечто типа генома, обеспечивают воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях. С развитием капитализма разрушаются первоначальные природные зависимости людей и создаются новые связи, определяемые совокупным общественным трудом. Открывается вторая по сравнению с природой онтологическая реальность — реальность культуры. Рассмотрим содержание культурных матриц техногенной цивилизации и их влияние на появление и развитие гламура как социального явления. В структуру матриц включены идеи, система ценностей, картина мира, поведенческие ориентиры, артефакты — все то, что может варьироваться и модифицироваться, сохраняя при этом общие признаки в качестве глубинного инварианта, характерного для конкретного типа цивилизационного раз-

вития. Одной из матриц, которая определила мировоззренческую направленность техногенной цивилизации, выступает идея преобразования мира посредством подчинения человеком природы. Как сформировалась эта идея? Человек, как известно, не является завершённым существом. Природа, развив его до определенной точки, оставила наедине с самим собой. В этой ситуации у человека есть два варианта выбора: либо продолжать собственное развитие своими усилиями и средствами, либо остаться для смерти таким, каким он родился, без всякой способности к саморазвитию. Как известно, человек выбрал ситуацию антропосоциогенеза, онтологическим основанием которого выступило преодоление (компенсация) собственной изначальной неспециализированности. Так как человек по природе своей не занимает строго определенного места, он постоянно обречен, как верно замечает философский антрополог Хельмут Плеснер [1], на бесконечный поиск преодоления собственной неспециализированности путем создания Своего мира. Но существует внешний мир — это единственный мир природы, человек делает его своим, преобразовывая по собственному усмотрению, опираясь при этом на могучую силу, дарованную антропогенезом, — рефлексивное сознание, которое формировалось в процессе предметно-практической деятельности. В рамках этой деятельности человек использовал как естественные орудия — силы природы (ветер, воду, огонь), так и искусственные орудия труда. В их производстве возникают первичные техники как процедуры постоянного повторения приемов и правил в поиске средств достижения конкретных целей. В этих поисках формируется сначала стихийная саморефлексия над техникой как средством, защищающее от природы путем приспособления себя к природной среде. Здесь техника выступает лишь инструментом компенсации собственной скудности, инстинктивного приспособления к природе. По мере усложнения практической деятельности формируется новый технический способ освоения природы, приспособление *природы к себе*, универсализация которого саморефлектировалась в идее господства человека над природой. Отметим, что технический способ освоения природы первоначально не носил ярко выраженного агрессивного характера. Плановое вмешательство в природу, ее приспособление к потребностям человека выступало скорее в проективном аспекте: как учебно-объяснительный способ такой организации мира, где соединялись в нераздельное целое конкретная операция над исходным продуктом, целевые установки по созданию конкретного продукта, включенность накопленного опыта. В проективном способе организации мира формы рефлексивной деятельности все более усложнялись. Ведь для того, чтобы сделать и воспроизвести однажды выполненное действие, надо продумать, осознать, каким образом это действие описать и сформулировать в виде приложения к конкретному целевому акту деятельности. Разнообразие форм рефлексивной деятельности, их практические возможности детерминировались индивидуальными особенностями человека. Ситуация все возрастающей индивидуализации человека, развертываемая посредством рефлексивного сознания, своим следствием получает многовариантность бытия с его возможностями выбора. Так появляется еще одна матрица техногенной цивилизации — автономная личность. В исторических условиях авторитарного государства автономная личность переносит практики авторитаризма на свои отношения с природой. Так возникает вариант технического освоения природы — вариант войны, агрессии к природе. Отношения с природой рефлексивно осознаются как овладение ее богатствами, это отношение исторически закрепилося в культурной норме, существование которой поддерживалось и обновлялось. Впоследствии, соединившись с матрицей власти, матрица войны с природой сформировала идеологию технократии и экспертократии. Технократия и экспертократия формируют такое мироотношение, в котором овеществленная воля техники задает культуре технологический императив по отношению к природе. Суть этого императива —

природа есть только сырьевой материал и больше *ничто*. Если раньше в рамках существующей оппозиции природа – культура скрывалась возможность «игры с природой» по сценариям Я – Другое или Я – Чужое, то в техногенном мироотношении данная возможность растворяется, по меткому замечанию М. Хайдеггера, в «забвении бытия». В пространстве забвенного бытия природный мир загоняется в резерваты – заповедники, национальные парки, зоопарки, красные книги, где природный мир начинает существовать как символический экспонат [2]. С другой стороны, в этом пространстве рассеивается способность человека различать удовольствия и радость, так как эта способность, по мысли Конрада Лоренца, определяется природной основой человеческого существования [3]. Разрыв природы и культуры стал одной из причин распада единства в гармонии предметно-вещной среды. Это единство поддерживалось вхождением вещи в ансамбль предметного мира, в котором вещи имели «интимное» отношение к человеку. Теперь, в процессе ускорения потребления вещей, она, не успев прижиться у владельца, изнашивается не только вещественно, но и символически, в итоге вещь превращается в ничто... Но ничто – основание для потери родовой сущности человека: «когда наше бытие продвинуто в Ничто... мы становимся заместителями Ничто, мы становимся конечной матрицей», считает М. Хайдеггер [4].

В современном обществе символизация не только ведет к осознанному идеалу потребления, но и формирует всеобщность поведенческой модели, направленную на конструирование вещи, человека, мира в целом. Ведь символ одновременно есть *образец*, конституирующий методологическую установку на потребление, и *базовая операция*, которая формирует меру потребления и образ мира. В итоге соединение символа с технологизацией общества приводит к тому, что техника проникает в область осознанного видения (как действовать, что получится в результате, как жить в соответствии с этим). Это окончательно приводит к растворению культуры в технике и появлению «третьей» природы – искусственной техносферы, в которой человек всегда имеет дело не с *данным* объектом, а с *заданным*, то есть сконструированным объектом.

Именно в пространстве техносферы гламур окончательно из явления стиля культуры превращается в объект техносферы, конструирование которого определяется метафизическим основанием жизни. Так как понимание воспроизводства жизни как природного процесса не включено в пространство техногенного общества, то основанием жизни становится идея бессмертия. В культуре человечества эта идея не нова: например, реальное воплощение она получила в образе Голема или в образе Франкенштейна, героя известного романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Всеобщность техники и технологии при условии разрыва культуры и природы приводит к необходимости конструирования идеи бессмертия, которая трансформируется в *квазиматериальное* бессмертие (клонирование, замена или искусственное конструирование частей тела). В данном аспекте гламур представляется не культурным, а техногенным способом вхождения в мир и существования в нем. Например, человек гламура вечно молод, не имеет родителей, мерцает на фоне безликих, но многочисленных друзей [5]. Он существует только в пространстве, а не во времени. Это и понятно, так как биологический вид жизни – процессы с памятью, а память техники – оперативная и не имеет предшественников, поэтому в гламуре как техногенном способе существования отсутствует детство. Дети презентатируются как символы взрослых или в качестве реборна – знака живого ребенка. Отрыв от природной основы приводит к новому осмыслению телесности: тело не представлено, а сконструировано полностью или частично. Например, известная дива современного российского гламура – Ирэн Феррари имеет самую большую в России силиконовую грудь,

Кристина Рэй сделала более ста инъекций ботокса в губы, раздвоила язык и сделала эльфийские уши, Олеся Малибу (Кожевникова) полностью сконструировала все значимые части тела. И таких примеров много. Таким образом, главным основанием появления человека гламура на «сцене современности» является искусственная содержательность техногенной цивилизации в ее оторванности от собственной биологической основы. Можно с уверенностью сказать, что явление гламура – это еще один социальный проект человека, соответствующий вызову техногенной цивилизации. Встает вопрос не только о границах применимости этого проекта, но и о его прогнозических возможностях в будущем. Но ответ на этот вопрос лежит в плоскости решения глобальной проблемы: сможет ли техногенная цивилизация вообще существовать без породившей ее биологической основы; не прекратится ли с существованием искусственной цивилизации существование самого человека.

Библиографический список

1. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 128.
2. Конев В.А. Мир культуры и мир Бытия // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 56.
3. Подробнее см.: Конрад Лоренц. Тепловая смерть чувства // Конрад Лоренц. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Ульяновск, 2008. С. 31–40.
4. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991 г.
5. Степанова О.С. Концепция личности в «философии» гламура // От неразумия к разумию через самопознание и самосовершенствование: кол. монография / отв. ред. В.И. Иванов. Красноярск: Литера-принт, 2011. С. 168.

T.V. Borisova*

CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF GLAMOUR: THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

In the article the civilizational foundations of glamour as social phenomenon are analyzed; it is emphasized that main cultural matrixes of an anthropogenic civilization of relation to the nature and activity of personality created the understanding of glamour, as the next project of modern civilization.

Key words: civilization, anthropogenic society, nature, culture, thing, glamour.

---

* *Borisova Tatyana Vadimovna* (BorisovaTVa@yandex.ru), the Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara, 443100, Russian Federation.